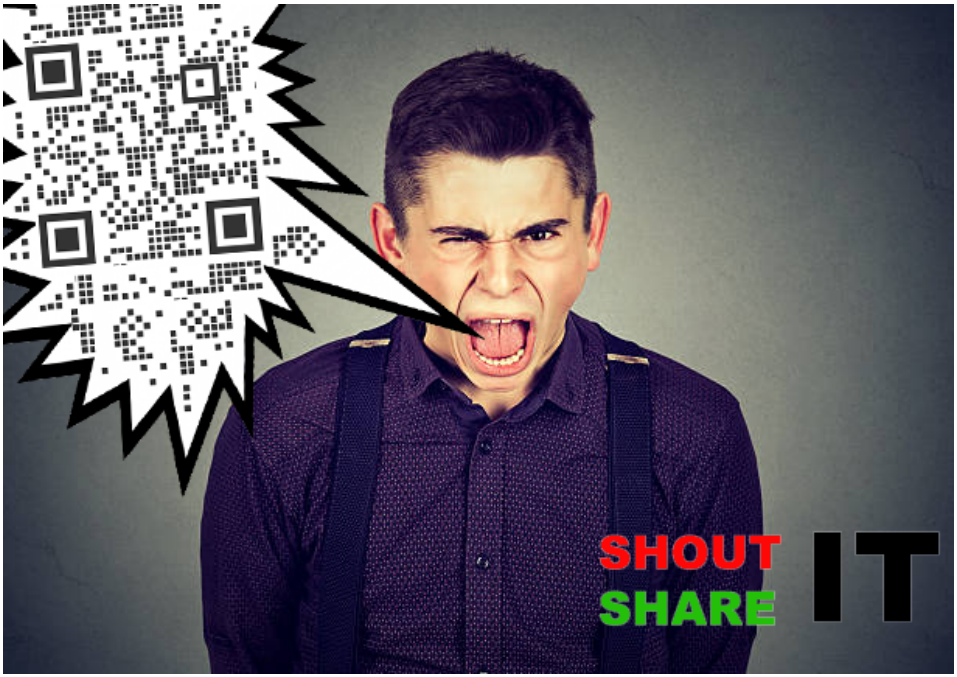
51 рассказ

Лорд Дансени


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Его рассказы о сверхъестественном отвергают как аллегорические толкования, так и научные объяснения. Их нельзя свести ни к Эзопу, ни к Г. Дж. Уэллсу. Еще меньше они нуждаются в многозначительных толкованиях болтунов-психоаналитиков. Они просто волшебны.

- Свидание
  - ○
- Харон
  - ○
- Смерть Пана
  - ○
- Сфинкс в Гизе
  - ○
- Курица
  - ○
- Ветер и Туман
  - ○
- Строители плота
  - ○
- Рабочий
  - ○
- Гость
  - ○
- Смерть и Одиссей
  - ○
- Смерть и апельсин
  - ○
- Мольба цветов
  - ○
- Время и торговец
  - ○
- Маленький город
  - ○
- Поля, где не пасется скот
  - ○
- Червь и ангел
  - ○
- Страна без песен
  - ○
- Самая последняя вещь

- Демагог и дама полусвета
- Гигантский мак
- Розы
- Человек с золотыми серьгами
- Сон короля Карна-Вутра
- Шторм
- Ошибка
- Истинная история Зайца и Черепахи
- Единые Бессмертные
- Притча
- Весна в городе
- Возвращение песни
- Как враг пришел в Тлунрану
- Подъем Пикадилли
- Проигрышная игра
- После пожара
- Город
- Пища смерти
- Одинокий идол
- Сфинкс в Фивах
- Воздаяние
- Неприятность на Зеленой улице

- Туман
  - ○
- Делатель борозды
  - ○
- Салат из омара
  - ○
- Возвращение изгнанников
  - ○
- Природа и время
  - ○
- Песня черного дрозда
  - ○
- Посланники
  - ○
- Три высоких сына
  - ○
- Компромисс
  - ○
- К чему мы пришли
  - ○
- Могила Пана
  - ○

Свидание

Слава, блуждавшая по дорогам в сопровождении жутких авантюристов, однажды, небрежно напевая, прошла мимо поэта.

И тогда поэт сделал для нее маленькие венки из песен, чтобы возвысить ее голову перед судом Времени; но все равно она носила вместо них ничего не стоящие гирлянды, которые неистовые граждане, встречавшиеся ей на пути, делали из скоропортящихся вещей.

И всякий раз, когда эти гирлянды увядали, поэт приходил к ней со своими венками из песен; и все равно слава смеялась над ним и носила ничего не стоящие украшения, которые всегда увядали к вечеру.

И в один день поэт горько упрекнул ее, сказав так: «Прекрасная Слава, и на шоссе, и на тихих сельских дорогах ты не прекращаешь смеяться, кричать и шутить с никчемными людьми; я тружусь ради тебя и мечтаю о тебе, а ты дразнишь меня и предаешь». И Слава повернулась к нему спиной и ушла, но уходя, глянула через плечо, улыбнулась поэту так, как никогда не улыбалась прежде, и почти шепотом сказала:

«Я встречу тебя на кладбище за работным домом через сотню лет».

Харон

Харон склонялся вперед и греб. Все было едино для его усталости.

Дело было не в годах или столетиях, но в широких потоках времени, и в старой тяжести и боли в руках, которые стали для него частью рутины, созданной богами и перешедшей в Вечность.

Если бы боги послали ему встречный ветер, даже это разделило бы жизнь в его памяти на две равные части.

Таким серым был мир всегда – там, где он находился. И если какой-нибудь луч света проникал на миг в царство мертвых, может быть, на лице такой королевы, как Клеопатра, его глаза этого не чувствовали.

Было странно, что мертвые теперь прибывали в таких количествах.

Они появлялись тысячами там, где обыкновенно бывало до пятидесяти. Но не в обязанностях Харона и не в его привычках было обдумывание причин этих событий.

Харон склонялся вперед и взмахивал веслами.

Затем никто не появлялся некоторое время. Это было необычно для богов – не посылать так долго никого под Землю. Но боги знали лучше.

Потом человек явился в одиночестве. И маленькая тень сидела, дрожа на одинокой скамье, и большая лодка отошла от берега.

Только один пассажир; боги знали лучше.

И великий и усталый Харон греб и греб рядом с маленьким, тихим, дрожащим призраком.

И звук реки был подобен могучему вздоху, каким Печаль в начале времен была отмечена среди ее сестер, и звук этот не мог умереть, подобно эху человеческого горя, парящего над холмами Земли. Нет, этот звук был стар – стар как время, как боль в руках Харона.

Потом лодка по медлительной серой реке доползла до побережья Dis, и маленькая, тихая тень, все еще дрожа, ступила на берег, а Харон устало направил лодку вспять. Тогда маленький призрак, что некогда был человеком, заговорил.

«Я последний», сказал он.

Никто прежде не заставлял Харона улыбаться, никто прежде не заставлял его плакать.

Смерть Пана

Когда путешественники из Лондона вступили в Аркадию, они оплакивали друг другу смерть Пана.

И вскоре они увидели его лежащим тихо и неподвижно.

Рогатый Пан был недвижен и роса лежала на его шкуре; он не был похож на живое существо. И затем они сказали: «Это правда, Пан умер».

И, стоя в печали над этим огромным телом, они долго смотрели на незабвенного Пана.

И вечер настал, и взошла маленькая звезда.

И тогда из деревни в какой-то аркадской долине под звуки праздной песни пришли аркадские девы.

И когда они увидели внезапно в сумерках старого лежащего бога, девы замедлили свой шаг и зашептались друг с другом. «Как глупо он выглядит», сказали они и при этом негромко рассмеялись.

При звуке их смеха Пан подпрыгнул, и гравий взлетел из-под его копыт.

И пока путешественники стояли и слушали, скалы и холмы Аркадии звенели от звуков преследования.

Сфинкс в Гизе

Я видел на днях румяное лицо Сфинкс.

Она нарумянила свое лицо, чтобы глазеть на время.

И время не пощадило ни единого румяного лица в целом мире – только ее лицо.

Далила был более моложе, чем Сфинкс, и Далила – прах.

Время не любило ничего, кроме этого бесценного румяного лица.

Меня не волнует, что она уродлива и что она нарумянила свое лицо – только бы она отняла у Времени его тайну.

Время развлекается как дурак у ее ног, когда оно должно разрушать города.

Время никогда не устанет от ее глупой улыбки.

Вокруг нее еще остались храмы, которые оно забыло уничтожить.

Я видел, как старик шел мимо, и Время не коснулось его.

И это Время, которое унесло семь ворот Фив!

Она пыталась связать его веревками вечного песка, она надеялась придавить его Пирамидами.

Время лежит там на песке, а его дурацкие волосы рассыпаны вокруг ее лап.

Если она когда-нибудь раскроет его тайну, мы заберем глаза Времени, чтобы оно не могло больше отыскать наших чудесных вещей – есть во Флоренции прекрасные ворота, которые, я боюсь, оно унесет.

Мы пытались связать его песнями и древними обычаями, но они только ненадолго удерживали его, а оно всегда поражало нас и дразнило.

Когда оно ослепнет, то будет танцевать для нас и смешить.

Большое неуклюжее время должно будет спотыкаться и танцевать – то, которое любило убивать маленьких детей, а больше не сможет повредить и маргаритки.

Тогда наши дети будут смеяться над тем, которое убивало крылатых быков Вавилона и поражало множество богов и фей – когда его лишат его часов и его лет.

Мы запрем его в Пирамиде Хеопса, в большой палате, где стоит саркофаг. Отсюда мы будем выводить его на наши банкеты. Оно станет растить наше зерно и делать черную работу.

Мы поцелуем твое румяное лицо, О Сфинкс, если ты предашь нам Время.

И все-таки я боюсь, что в последней агонии оно сможет вслепую ухватить землю и луну и медленно снести с них Дома

Человека.

Курица

Я видел на днях румяное лицо Сфинкс.

Она нарумянила свое лицо, чтобы глазеть на время.

И время не пощадило ни единого румяного лица в целом мире – только ее лицо.

Далила был более моложе, чем Сфинкс, и Далила – прах.

Время не любило ничего, кроме этого бесценного румяного лица.

Меня не волнует, что она уродлива и что она нарумянила свое лицо – только бы она отняла у Времени его тайну.

Время развлекается как дурак у ее ног, когда оно должно разрушать города.

Время никогда не устанет от ее глупой улыбки.

Вокруг нее еще остались храмы, которые оно забыло уничтожить.

Я видел, как старик шел мимо, и Время не коснулось его.

И это Время, которое унесло семь ворот Фив!

Она пыталась связать его веревками вечного песка, она надеялась придавить его Пирамидами.

Время лежит там на песке, а его дурацкие волосы рассыпаны вокруг ее лап.

Если она когда-нибудь раскроет его тайну, мы заберем глаза Времени, чтобы оно не могло больше отыскать наших чудесных вещей – есть во Флоренции прекрасные ворота, которые, я боюсь, оно унесет.

Мы пытались связать его песнями и древними обычаями, но они только ненадолго удерживали его, а оно всегда поражало нас и дразнило.

Когда оно ослепнет, то будет танцевать для нас и смешить.

Большое неуклюжее время должно будет спотыкаться и танцевать – то, которое любило убивать маленьких детей, а больше не сможет повредить и маргаритки.

Тогда наши дети будут смеяться над тем, которое убивало крылатых быков Вавилона и поражало множество богов и фей – когда его лишат его часов и его лет.

Мы запрем его в Пирамиде Хеопса, в большой палате, где стоит саркофаг. Отсюда мы будем выводить его на наши банкеты. Оно станет растить наше зерно и делать черную работу.

Мы поцелуем твое румяное лицо, О Сфинкс, если ты предашь нам Время.

И все-таки я боюсь, что в последней агонии оно сможет вслепую ухватить землю и луну и медленно снести с них Дома

Человека.

Ветер и Туман

«Дорогу нам», сказал Северный Ветер, спускаясь к морю по поручению старой Зимы.

И он увидел перед собой серый тихий туман, лежавший у берегов.

«Дорогу нам», повторил Северный Ветер, «о ничтожный туман. Ибо я иду в авангарде Зимы в ее вечной войне с кораблями. Я сокрушаю их внезапно всей моей силой или двигаю на них огромные морские айсберги. Я пересекаю океан, пока ты проползаешь милю. На земле носят траур, когда я встречаю корабли. Я веду их прямо на камни и кормлю море. Где бы я ни появился, они склоняются перед нашей владычицей Зимой».

На его высокомерное хвастовство туман ничего не ответил. Он только медленно приподнялся, отошел от моря и, заползая в обширные долины, укрылся среди холмов; и ночь настала, и все затихло, и туман начал бормотать в тишине. Я слышал, как он сам себе рассказывал историю собственных ужасных деяний. «Сто пятнадцать галеонов старой Испании, несколько кораблей из Тира, восемь рыбацких флотов и девяносто линейных кораблей, двенадцать военных парусных судов с их артиллерией, триста восемьдесят семь речных кораблей, сорок два купца, перевозивших специи, тридцать яхт, двадцать один современный линейный корабль, девять тысяч адмиралов….»

Он бормотал и хихикал, пока я наконец не вскочил и не спасся бегством от этого жуткого соседства.

Строители плота

Все мы, пишущие слова на бумаге, походим на моряков, торопливо делающих плоты на обреченных судах.

Когда мы разбиваемся под тяжестью лет и опускаемся в вечность со всем, что принадлежит нам, наши мысли, подобно маленьким потерянным плотам, некоторое время плавают по морю Забвения. Они немного несут по морским течениям – только наши имена, фразу-другую и что-нибудь еще.

Те, для которых литература подобна торговле, удовлетворяющей насущные нужды, похожи на моряков, которые работают над плотами только для того, чтобы согреть руки и отвлечь мысли от предстоящей гибели; их плоты распадаются на части прежде, чем судно разбивается.

Смотри – вот Забвение мерцает вокруг нас, его совершенное спокойствие смертоноснее бури. Как мало тревожат его все наши кили! Время в его глубинах плавает как чудовищный кит; и, подобно киту, кормится самыми мелкими вещами – слабыми звуками и ничтожными песенками старых, золотых вечеров – и скоро превращается в настоящего кита, способного уничтожать целые суда.

Смотри – вот потерпел крушение Вавилон, праздно скользивший по водам, а вот там некогда была Ниневия; и уже их короли и королевы находятся в глубинах среди бледных остатков древних столетий, которые скрывают большую часть затонувшего Тира и окружают тьмой Персеполис.

Еще я смутно вижу очертания затонувших судов на дне океана, усыпанном коронами.

Все наши суда были не приспособлены для морского плавания – начиная с самого первого.

Там идет плот, который Гомер создал для Елены.

Рабочий

Я видел, как рабочий упал со своего настила прямо с верхнего этажа одного огромного отеля. И когда он летел вниз, я увидел, что рабочий держит нож и пытается вырезать свое имя на настиле.

У него было время, чтобы попробовать и это, поскольку ему предстояло пролететь почти три сотни футов. И я мог думать только о его безумии, проявившемся в исполнении этой бесполезной задачи. Ведь не только сам этот человек неизбежно будет мертв через три секунды, но и доски, на которых он пытается выцарапать слова, через некоторое время будут отправлены на дрова.

Потом я пошел домой, поскольку предстояла важная работа. И весь этот вечер я думал о безумии человека, пока эти мысли не стали серьезной помехой делу.

И позднее той ночью, когда я еще трудился, призрак рабочего прошел сквозь мою стену и встал передо мной, смеясь.

Я не слышал ни звука, пока не заговорил с ним; но я мог видеть серую прозрачную фигуру, стоящую передо мной и содрогавшуюся от смеха.

Я заговорил наконец и спросил, над чем он смеется, и тогда призрак ответил. Он сказал: «Я смеюсь над тобой, сидящим и работающим здесь».

«И почему», спросил я, «ты потешаешься над серьезным трудом?»

«Ну, эта цветущая жизнь пронесется как ветер», он сказал, «и как ветер, снесет всю эту глупую цивилизацию. Вы исчезнете через несколько столетий».

Тогда он снова согнулся от смеха, на сей раз ясно слышимого; и, еще смеясь, шагнул назад сквозь стену – в вечность, из которой появился.

Гость

В восемь вечера в Лондоне молодой человек вошел в роскошный ресторан.

Он был один, однако два прибора стояли за столиком, который он заказал. Он заказывал обед очень тщательно, письменно за неделю вперед.

Официант спросил его о другом госте.

«Вы вероятно не увидите его, пока не принесут кофе», сказал молодой человек; так что он обедал в одиночестве.

За смежными столами могли заметить молодого человека, непрерывно обращающегося к пустому стулу и продолжающего монолог на протяжении всего долгого обеда.

«Я думаю, Вы знавали моего отца», сказал он за супом.

«Я послал за Вами этим вечером», продолжил он, «потому что хочу, чтобы Вы оказали мне услугу; фактически я должен настаивать на этом». В этом человеке не было бы ничего эксцентричного, если б не его привычка адресоваться к пустому стулу; конечно, он ел самый роскошный обед, какого любой нормальный человек мог бы пожелать.

После того, как подали Бургундское, он стал более разговорчив, но не из-за того, что испортил вкус вина чрезмерным употреблением.

«У нас несколько общих знакомых», сказал он. «Я встретил Короля Сети год назад в Фивах. Я думаю, что он изменился очень мало с тех пор, когда Вы знали его. Я думаю, его лоб немного низок для короля. Хеопс оставил дом, который он построил для вашего приема, он, должно быть, готовился к этому в течение долгих лет. Я предполагаю, Вас редко развлекали таким образом. Я заказал этот обед больше недели назад. Я думал тогда, что леди могла бы пойти со мной, но поскольку она не пошла, я пригласил Вас. К тому же она не может быть столь же прекрасной, как Елена Троянская. Елена была прекрасна? Не тогда, когда Вы познакомились с ней, возможно. Вам повезло с Клеопатрой, Вы, должно быть, встретились, когда она была в зените».

«Вы никогда не знали ни русалок, ни фей, ни прекрасных богинь древности, вот где самое лучшее». Он умолкал, когда официанты приближались к его столу, но легко возвращался к разговору, как только они уходили, по-прежнему обращаясь к пустому стулу.

«Вы знаете, я видел Вас здесь в Лондоне на днях. Вы были в моторном автобусе, спускающемся с Ладгейт-хилл. Автобус шел слишком быстро. Лондон – хорошее место. Но я буду рад оставить

его. Именно в Лондоне я встретил леди, о которой вам говорил. Если бы не Лондон, я, вероятно, не смог бы ее встретить, и если бы не Лондон, у нее, вероятно, не было бы так много развлечений помимо меня. Он разделяет наши пути». Он сделал паузу, чтобы заказать кофе, пристально взглянул на официанта и положил соверен ему на ладонь. «Не нужно цикория», сказал он.

Официант принес кофе, и молодой человек опустил какую-то таблетку в свою чашку.

«Я не думаю, что Вы приходите сюда очень часто», продолжал он.

«Ну, Вы, вероятно, хотите идти. Я не отвлеку Вас надолго от вашего пути, ведь у вас множество дел в Лондоне».

Затем, выпив кофе, он упал на пол возле пустого стула, и доктор, обедавший в этом месте, склонился над ним и возвестил взволнованному управляющему о видимом присутствии гостя молодого человека.

Смерть и Одиссей

В суде олимпийцев Любовь смеялась над Смертью, потому что смерть была неприглядна, и потому что любовь не могла помочь смерти, и потому что смерть никогда не делала ничего стоящего, и потому что любовь делала.

И Смерть возненавидела этот смех и изводила себя мыслями о своих ошибках и о том, что она могла сделать, чтобы покончить с этой невыносимой пыткой.

Но однажды смерть влетела в суд как на крыльях и Они все заметили это. «Что с Вами теперь случилось?» сказала Любовь.

И Смерть с некоторой торжественностью сказала Ей: «Я собираюсь напугать Одиссея»; и натянув на себя серый дорожный плащ, вышла через двери ветра, устремив свой взор к земле.

И вскоре она прибыла в Итаку – в тот зал, который был так хорошо знаком Афине, – открыла дверь и увидела там знаменитого седовласого Одиссея, склонившегося к огню и пытающегося согреть руки.

И ветер через открытую дверь резко дунул на Одиссея.

И смерть подошла к нему сзади и внезапно вскрикнула.

И Одиссей продолжал греть свои бледные руки.

Тогда Смерть подошла поближе и начала дуть на него. И через некоторое время Одиссей обернулся и заговорил. «Хорошо, старый слуга», сказал он, «ваши хозяева были добры к Вам с тех пор, как я заставил Вас поработать для меня возле Илиона?» И Смерть некоторое время стояла молча, поскольку думала о смехе Любви.

Тогда Одиссей произнес: «Давай, подставь мне плечо». И он тяжело оперся на эту костлявую палку; а потом они вышли вместе сквозь открытую дверь.

Смерть и апельсин

В далекой южной земле два темнокожих молодых человека сидели за ресторанным столиком вместе с женщиной.

И на тарелке женщины лежал маленький апельсин, хранивший в сердце злобный смех.

И двое юношей смотрели на женщину, не отрывая глаз, и они немного ели и много пили.

А женщина улыбалась обоим одинаковой улыбкой.

Тогда маленький апельсин, таивший смех в сердце, медленно скатился с тарелки на пол. И темнокожие молодые люди тут же бросились его подбирать. Под столом они внезапно столкнулись, и скоро они начали говорить друг другу резкие слова, а ужас и бессилие боролись с разумом каждого, пока разум не замер в беспомощности. И сердце апельсина смеялось, и женщина продолжала улыбаться; и Смерть, сидевшая за соседним столом tete-a-tete со старым джентльменом, встала и подошла поближе, прислушиваясь к ссоре.

Мольба цветов

Это был голос цветов в Западном ветре, чудесном, старом, ленивом Западном ветре, дувшем непрерывно, дувшем сонно, дувшем в Грецию.

«Леса ушли, они пали и покинули нас; люди не любят нас больше, мы одиноки в лунном свете. Большие машины мчатся по красивым полям, их пути жестоки и ужасны на земле и под землей.

Подобно раковым опухолям, города скрывают траву, они гремят в своих логовах непрерывно, они блестят вокруг нас, уродуя ночь.

Леса ушли, О Пан, леса, леса. И ты далеко, О Пан, так далеко».

Я стоял ночью между двумя железнодорожными ветками на краю Мидленд-Сити. По одной из них, по-моему, поезда проносились каждые две минуты, а по другой проходили два поезда за пять минут.

Совсем близко были сияющие фабрики, и небо над ними выглядело пугающим, как в лихорадочных снах.

Цветы были правы, опасаясь приближающегося города, и отсюда я слышал их поднимающийся крик. И затем я услышал несущийся в музыке ветра голос Пана, порицающего их из Аркадии: «Будьте немного терпеливее, все это ненадолго».

Время и торговец

Однажды Время, когда оно бродило по миру, и его волосы были седыми не от старости, а от пыли разрушенных городов, зашло в мебельный магазин, в антикварный отдел. И там оно увидело человека, затемняющего древесину кресла краской, бьющего мебель цепями и имитирующего в ней червоточины.

И когда Время увидело, что кто-то другой делает его работу, оно встало рядом с ним и некоторое время критически наблюдало.

И наконец оно сказало: «Я работаю не так», и окрасило волосы человека в белый цвет и согнуло его спину и провело несколько морщин на его хитром лице. Затем оно вышло и зашагало дальше, в могущественный город, который был утомлен и болен и слишком долго беспокоил поля, уставшие от его давления.

Маленький город

Я был между Горагвудом и Дрогэдой, когда внезапно увидел город. Это был маленький город в долине, казалось, окруженный легкой дымкой. Солнце проникало сквозь нее и золотило так, что все это напоминало старую Итальянскую картину, где ангелы движутся на переднем плане, а все остальное скрывается в золотом сиянии. И я знал, что вокруг города, насколько можно было увидеть с земли, хотя и нельзя точно разглядеть сквозь золотой дым, пролегают пути бродячих судов.

Вокруг, по всем склонам холмов, расстилались путаные линии маленьких полей, и снег будто ради опыта сталкивался с ними; но птицы уже перебирались в защищенные места, поскольку все предзнаменования указывали, что снега выпадет гораздо больше. Дальше несколько небольших холмов сверкали подобно роскошной защите, прорванной веками, и упавшей с земных границ Рая. И вдалеке во тьме горы беззаботно смотрели в сторону моря.

И когда я увидел серые и безмятежные горы, стоявшие там, где они стояли, когда города и цивилизации Аравии и Азии возникали подобно крокусам, и подобно крокусам рушились, я задался вопросом о том, как долго будет висеть дым в долине и маленьких полях на склонах холмов.

Поля, где не пасется скот

Так сказали горы: «Созерцайте нас, даже нас; старые седые горы, на которые опираются ноги Времени. Время на наших камнях сломает свой посох и споткнется; и все равно мы будем сидеть величественно, как теперь, слушая звук моря, нашей старой единорожденной сестры, которая лелеет кости своих детей и рыдает о вещах, которые она совершила.

Вдали, вдали мы возвышаемся над всеми вещами; поддерживаем небольшие города, пока они не состарятся и не оставят нас, чтобы уйти в страну мифов.

Мы – неувядаемые вершины».

И мягко облака приплывали из далеких мест. От скалы к скале, от горы к горе, от Кавказа к Гималаям мчались они мимо солнечного света на спинах штормов, и праздно взирали с золотых высот на гребни гор.

«Они уйдут», сказали горы.

И облака ответили, как я мечтал или представлял себе:

«Мы уйдем, разумеется, мы уйдем, но на наших полях, где не пасется скот, гордо бродит Пегас. Здесь Пегас скачет и щиплет не траву, а песню, которую жаворонки приносят ему каждое утро с далеких земных полей. Цокот его копыт разносится по нашим склонам на восходе солнца, как будто наши поля сделаны из серебра. И вдыхая дуновение рассветного ветра расширяющимися ноздрями, со вздыбленной головой и дрожащими крыльями, он стоит и смотрит с наших огромных высот, и фыркает, и видит чудесные войны далекого будущего в складках и изгибах тог, которые покрывают колени богов».

Червь и ангел

Отползая от могилы павшего, червь встретился с ангелом.

И вместе они рассматривали королей и королевства, и юношей и девушек, и города людей. Они видели стариков, тяжело восседающих в креслах, и слышали детей, поющих в полях. Они видели далекие войны, воинов и окруженные стеной города, мудрость и зло, и великолепие королей, и людей всех стран, которых касался солнечный свет.

И червь сказал ангелу: «Смотри на мою пищу».

«Мммм… Всякая плоть-трава…» – пробормотал ангел, когда они шли по берегу моря, «и ты можешь уничтожить даже это?» И червь побледнел от гнева, поскольку три тысячи лет он пытался уничтожить эту черту и все равно ее мелодия звучала в его голове.

Страна без песен

Поэт пришел в большую страну, где совсем не было песен. И он глубоко оплакивал нацию, у которой не нашлось ни единой дурацкой песенки, которую можно было бы напевать вечерами.

И наконец он сказал: «Я создам для них сам эти дурацкие песенки, чтобы они могли быть веселы на улицах и счастливы у камина». И за несколько дней он создал для них бесцельные песни вроде тех, которые девы поют на холмах в более древних и более счастливых странах.

Тогда он подошел к некоторым из жителей, когда они сидели, утомленные дневной работой, и сказал им: «Я наделил Вас несколькими бесцельными песнями из маленьких неблагоразумных легенд, которые чем-то похожи на ветер в долинах моего детства; и Вы можете напевать их печальными вечерами». А они ответили ему:

«Если ты думаешь, что у нас сейчас найдется время для такой ерунды, то не много же ты знаешь о прогрессе современной торговли».

И поэт заплакал, сказав: «Увы! Они прокляты».

Самая последняя вещь

Я видел грязного обжору у берегов реки Времени.

Он скрывался в садах, усыпанных яблоками, в счастливой земле цветов; рядом стояли колоссальные амбары, в которых древние хранили зерно, и солнце золотило безмятежные далекие холмы за пределами страны. Но он повернулся спиной ко всему этому. Он сидел и наблюдал за рекой. И независимо от того, что река случайно посылала ему вниз, грязный обжора хватал это жадно своими руками, молниеносно опуская их в воду.

Были в те дни, да и теперь еще есть, несколько нечистоплотных городов на реке Времени; и из них жуткие неназываемые вещи приплывали, бесформенные, разбухшие в воде. И всякий раз, когда запах опережал их, грязный обжора погружался в грязную воду и заходил в нее поглубже, выжидая. И если он открывал рот, всякий мог увидеть эти вещи на его губах.

Вместо них с верховьев реки опускался иногда упавший лепесток рододендрона, иногда роза; но они были бесполезны грязному обжоре, и когда он видел их, он недовольно рычал.

Поэт шел по берегу реки; его голова была поднята, и его взгляд был далеко; я думаю, он видел море и холмы Судьбы, с которых спускалась река. Я же видел грязного обжору, стоящего с выражением жадности на лице по пояс в водах реки, пахнувшей злом.

«Взгляни», сказал я поэту.

«Поток уничтожит его», ответил поэт.

«Но те города, которые отравляют реку…», сказал ему я.

И он ответил: «Всякий раз, когда столетия тают на холмах Судьбы, река ужасно разливается».

Демагог и дама полусвета

Демагог и дама и полусвета случайно пришли вместе к вратам Рая. И Святой печально взглянул на обоих.

«Почему Вы были демагогом?» спросил он первого.

«Поскольку», сказал демагог, «я отстаивал те принципы, которые сделали нас такими, какие мы есть, и вызвали любовь к нашей партии в великодушных людских сердцах. На словах я стоял неустрашимо, стремясь к широкой популярности».

«А Вы?» сказал Святой даме полусвета.

«Я хотела денег», сказала она.

И поразмыслив немного, Святой сказал: «Хорошо, входите; хоть Вы этого и не заслуживаете». Но демагогу он сказал: «Мы искренне сожалеем, но ограниченность мест, имеющихся в нашем распоряжении, и печальный недостаток интереса к тем Вопросам, которые Вы задавали и так умело разрабатывали в прошлом, не дают нам возможности предоставить Вам поддержку, о которой Вы просите». И он закрыл золотую дверь.

Гигантский мак

Я видел во сне, что возвратился к холмам, с которых в ясный день Вы можете увидеть стены Илиона и равнины Ронсеваля. И был лес на вершинах тех холмов с просветами там, куда падали лучи лунного света, и там, где никто не мог их увидеть, танцевали феи.

Но не было никакого леса, когда я возвратился, никаких фей, ни далеких отблесков Илиона или полей Ронсеваля, только один гигантский мак качался на ветру, и при этом гудел.

«Не помни». И под его толстым, как дуб, стеблем сидел поэт, одетый по-пастушески, и мягко наигрывал древнюю мелодию на дудке. Я спросил, феи пропустили его по этому пути или нечто более древнее.

Он сказал: «Мак растет быстро и убивает богов и фей. Его пары душат мир, и его корни иссушают великую силу». И я спросил его, почему он сидит на холмах, которые я знал, играя древнюю мелодию.

И он ответил: «Мелодия вредна для мака, который иначе рос бы еще быстрее; и если братство, частью которого я являюсь, прекратит наигрывать мелодии на холмах, люди рассеются по миру и будут потеряны или придут к ужасному концу. Мы думаем, что мы уже спасли Агамемнона».

Тогда он снова вернулся к своей дудочке, к своей древней мелодии, а ветер среди сонных лепестков мака бормотал: «Не помни. Не помни».

Розы

Я знаю обочину, где дикие розы расцвели в странном изобилии. Есть особая красота в зарослях почти экзотического вида, в том глубоком оттенке, который потрясает пуританские цветы. Две сотни поколений назад (я имею в виду поколения роз) это была деревенская улица; были времена цветочного декаданса, когда они оставили свою простую жизнь, и розы пришли из диких мест, чтобы окружать людские постройки.

Из всех воспоминаний об этой деревеньке, обо всех домах, которые стояли там, о мужчинах и женщинах, которым дома принадлежали, – ничего не останется, кроме прекрасного румянца на лицах роз.

Я надеюсь, что, когда Лондон окончит свои дни, и побежденные поля вернутся снова, подобно изгнанным людям, возвращающимся после войны, они смогут найти прелестную вещь, способную напомнить им о минувшем; потому что мы любили немного этот мрачный старый город.

Человек с золотыми серьгами

Может быть, мне это приснилось. Но по крайней мере можете поверить – я в один прекрасный день сошел с городской магистрали, направился в доки и увидел покрытые слизью причалы, круто спускающиеся к воде, увидел и огромную серую реку, скользящую мимо, и потерянные вещи, которые уплывали по ней, переворачиваясь раз за разом, и подумал о народах и о безжалостном Времени, и увидел и подивился царственным судам, прибывшим недавно из-за моря.

Именно тогда, если я не ошибаюсь, я и заметил прислонившегося к стене человека с золотыми серьгами, устремившего свой взгляд в сторону кораблей. Его кожа имела темный оттенок юга: густые черные волосы его усов слегка побелели от соли; он носил темный синий жакет, какой обычно носят матросы, и длинные ботинки мореходов, но взгляд его был направлен вдаль от стоящих в гавани судов, он, казалось, созерцал самые далекие вещи.

Даже когда я заговорил с ним, он не повернулся ко мне, а ответил мне мечтательно, с тем же самым остановившимся взглядом, как будто его мысли остались в далеких и пустынных морях. Я спросил его, с какого он судна, ведь в порту их стояло немало. Парусные суда были там со свернутыми парусами и прямыми неподвижными мачтами, подобными зимнему лесу; пароходы были там, и огромные лайнеры выпускали праздный дым в сумерки. Он ответил, что не был ни на одном из них. Я спросил, на какой линии он работал, поскольку он совершенно очевидно был моряком; я упомянул все известные линии, но он их не знал. Тогда я спросил, где он работал и кем был. И он сказал: «Я работаю в Саргассовом Море, и я последний из пиратов, последний оставшийся в живых». И я пожал его руку, пожал несколько раз. Я сказал:

«Мы боялись, что Вы умерли. Мы боялись, что Вы умерли». И он ответил печально: «Нет. Нет. Я слишком много грешил в Испанских морях: мне не позволяют умереть».

Сон короля Карна-Вутра

Король Карна-Вутра, сидевший на троне, управляющий всем, сказал: «Я очень ясно видел вчера вечером царственную Вава-Нирью. Хотя частью она была скрыта большими облаками, которые проносились над ней непрерывно, снова и снова, но все же лицо ее было открыто и сияло в свете полной луны.

Я сказал ей: „Пройдемся со мной к огромным бассейнам в покрытом садами прекрасном Истрахане, к бассейнам, где плавают лилии, дающие манящие грезы; или, сдвинув в сторону занавес висячих орхидей, пойдем со мной отсюда, от бассейнов, по тайной тропе через непроходимые джунгли, которые заполняют единственный проход между горами, скрывающими Истрахан.

Они скрывают его и смотрят на него с радостью утром и вечером, когда бассейны полны странными отражениями. Они смотрят так, пока от их радости иногда не начинает таять смертоносный снег, который убивает альпинистов на одиноких высотах. В этих горах есть долины, которые старше лунных кратеров.

Иди со мной туда или останься со мной здесь, и мы поедем в романтичные страны, о которых караванщики говорят только в песнях; или мы пойдем бесшумно по земле столь прекрасной, что даже бабочки, парящие над ней, когда они видят свои сияющие отражения в священных бассейнах, пугаются их красоты; и каждую ночь мы будем слушать бесчисленных соловьев, единым хором воспевающих звезды до самой смерти. Сделай это, и я пошлю герольдов в дальние страны с вестями о твоей красоте; и они побегут и прибудут в Сендару, и узнают о тебе люди, которые пасут отары коричневых овец; и из Сендары слух распространится по берегам священной реки Зот, пока люди, которые плетут плетни в полях, не услышат об этом и не запоют; но герольды должны идти на север по холмам, пока не прибудут в Сууму. И в этом золотом городе они должны сообщить королям, что сидят в своих высоких алебастровых дворцах, о твоих странных и внезапных улыбках. И часто на отдаленных рынках будет история твоя сказываться торговцами из Суумы, когда они сидят, сплетая долгие рассказы, чтобы привлечь людей к своим товарам.

И герольды, миновав тот край, прибудут даже в Ингру, в Ингру, где люди танцуют. И там они должны рассказать о тебе, рассказать так, чтобы твое имя долго напевали в этом радостном городе. И там они должны нанять верблюдов и идти через пески пустынь к отдаленному Ниириду, чтобы назвать имя твое

одиноким людям в горных монастырях.

Идем со мной теперь, ибо настала Весна“.

И когда я сказал это, она слабо, но все же заметно покачала головой. И когда это случилось, я вспомнил, что моя юность ушла, и что она мертва уже сорок лет».

Шторм

Они увидели небольшое судно, которое было далеко в море и которое носило имя «Petite Esperance». И из-за его изодранной оснастки и его необычного облика, какой мог иметь корабль из неведомых стран, они сказали: «Это не то судно, которое следует приветствовать, встречать или даже спасать из рук моря». И море восстало, как морю привычно, и маленькое судно из дальних краев было в его руках, и более ничтожными, чем когда-либо, казались его слабые мачты с парусами фантастических очертаний и с иностранными флагами. И море издало громкий триумфальный звук, на какой только море и способно. И затем возникла волна, которая была очень сильна, как девятый сын урагана и прилива, и скрыла маленькое судно и скрыла весь дальние части моря. И на это сказали стоявшие на твердой сухой земле: «Это было только маленькое, ничего не стоящее иностранное судно. Оно исчезло в море, и это хорошо и правильно, что шторм уничтожил его». И они отвернулись и наблюдали за маневрами купеческих судов, которые загружались специями и серебром; год за годом они приветствовали их в порту и хвалили их товары и давно знакомые паруса. И много лет минуло.

И наконец с палубами и бортами, покрытыми золотой тканью; со старыми попугаями, которые знавали трубадуров, певших славные песни и чистивших их золотые перья; с полным трюмом изумрудов и рубинов; переполненный Индийской добычей; свертывающий свои истомленные в пути дивные паруса, галеон скользнул в порт, закрывая солнечный свет купеческим судам и ло! – он встал в ряд у крутого обрыва.

«Кто ты?» спросили они, «чудесное странствующее судно?»

И получили ответ: «Petite Esperance».

«О!» сказали люди на берегу. «Мы думали, что вы давно утонули в море».

«Утонули в море?» пропели моряки. «Мы не могли утонуть в море – у нас на борту были боги».

Ошибка

Добрая Слава, шагая однажды вечером по городу, увидела нарумяненное лицо Дурной Славы, фланирующей в свете газовых ламп; и многие преклоняли перед ней колени в дорожной грязи.

«Кто Вы?» спросила Добрая Слава.

«Я – Добрая Слава», сказала Дурная Слава.

Тогда Добрая Слава неслышно скрылась так далеко, что никто не знал, куда она ушла.

И Дурная Слава теперь двинулась дальше, и все ее поклонники поднялись и последовали за ней, и она повела их, как и большинство встреченных на пути, в свою родную преисподнюю.

Истинная история Зайца и Черепахи

Долгое время существовало среди животных сомнение, кто бегает быстрее – Заяц или Черепаха. Некоторые говорили, что Заяц более быстр из этих двоих, потому что он имел такие длинные уши, а другие говорили, что Черепаха быстрее, потому что тот, чей панцирь столь тяжел, должен быть способен и бежать так же сильно. И увы! силы отчуждения и беспорядка бесконечно откладывали решающее соревнование.

Но когда дело дошло почти до войны среди животных, наконец они смогли договориться, и было решено, что Заяц и Черепаха должны пробежать пятьсот ярдов, чтобы все увидели, кто же прав.

«Дикая чушь!» сказал Заяц, и все, что смогли поделать его покровители, – просто заставить его бежать.

«Соревнование я приветствую первой», сказала Черепаха, «я не стану уклоняться от него». О, как возрадовались ее сторонники!

Страсти накалились до предела в день гонки; гусь бросился на лису и почти заклевал ее. Обе стороны громко обсуждали приближающуюся победу до самого начала состязания.

«Я абсолютно уверена в успехе», сказала Черепаха. Но Заяц не сказал ничего, он казался усталым и измученным. Некоторые из его сторонников бросили его и перешли на другую сторону, громко приветствуя вдохновенные речи Черепахи. Но многие остались с Зайцем. «Мы не будем разочарованы в нем», они сказали. «Животное с такими длинными ушами просто обязано победить».

«Беги тяжелее», говорили Черепахе ее болельщики.

И «беги тяжелее» стало своего рода условным знаком, который все повторяли друг другу. «Тяжелый панцирь и тяжелая жизнь. Это – то, чего страна хочет. Беги тяжелее», они сказали. И эти слова не всеми были произнесены, но многие хранили их в своих сердцах.

Затем все умолкли, и внезапно наступила тишина.

Заяц умчался на сотню ярдов, и тогда оглянулся посмотреть, где его конкурент.

«Это совершенно абсурдно», сказал он, «участвовать в гонках с Черепахой». И он сел и почесался. «Беги тяжелее! Беги тяжелее!» кричали некоторые.

«Дайте ему отдохнуть», кричали другие. И «дайте ему отдохнуть» тоже стало девизом.

И через некоторое время конкурент Зайца приблизился к

нему.

«Вот ползет эта проклятая Черепаха», сказал Заяц, и он встал и побежал так тяжело, как мог, чтобы не позволить Черепахе победить.

«Эти уши победят», сказали его друзья. «Эти уши победят; они подтвердят бесспорную истину, которую мы высказали». И некоторые из них повернулись к сторонникам Черепахи и сказали: «Что же теперь с вашим животным?»

«Беги тяжелее», ответили им. «Беги тяжелее». Заяц промчался еще почти три сотни ярдов, почти до финишного столба, когда внезапно до него дошло, как глупо он выглядит, бегая наперегонки с Черепахой, которая все не появлялась в поле зрения. И он снова сел и почесался.

«Беги тяжелее! Беги тяжелее!» вопила толпа, и «дайте ему отдохнуть».

«Как этим не воспользоваться?» сказал Заяц, и на сей раз он остановился навсегда. Некоторые говорили, что он уснул.

Продолжалось отчаянное волнение в течение часа или двух, и затем выиграла Черепаха.

«Беги тяжелее! Беги тяжелее!» кричали ее покровители. «Тяжелый панцирь и тяжелая жизнь: это залог успеха». И затем они спросили Черепаху, что означает ее достижение, а та спросила Морскую Черепаху. И Морская Черепаха сказала: «Это – великолепная победа сил стремительности». И затем Черепаха повторила это своим друзьям. И все животные не говорили ничего другого долгие годы. И даже в наши дни «великолепная победа сил стремительности» является девизом в доме улитки.

А причина того, что данная версия гонки не слишком широко известна, очень проста. Очень немногие из тех, которые могли ее описать, пережили большой лесной пожар, который случился вскоре этого события.

Огонь пронесся по зарослям ночью при сильном ветре. Заяц, Черепаха и немногие животные увидели его издалека с высокого открытого холма, который был на опушке леса, и они поспешно созвали встречу, чтобы решить, кого следует послать и предупредить животных в лесу.

И они послали Черепаху.

Единые Бессмертные

Я слышал, как говорили, что очень далеко отсюда, в дурной стороне пустынь Катая и в краю, посвященном зиме, находятся все годы, которые мертвы. И там некая долина закрывает их и скрывает, как гласят слухи, от мира, но не от вида луны и не от тех лучей, которыми разносятся сны.

И я сказал: я пойду отсюда путями мечты, и я приду в ту долину и войду и буду там носить траур о всех чудесных годах, которые мертвы. И я сказал: я возьму венок, венок траура, и положу к их ногам как символ моей печали об их судьбе.

И когда я разыскивал цветы, цветы для моего траурного венка, лилия казалась слишком большой, лавр казался слишком торжественным, и я не нашел ничего достаточно изысканного или ровного, чтобы служить достойным подношением годам, которые мертвы. И наконец я сделал аккуратный венок из маргариток в той манере, какая была принята в один из тех годов, которые ныне мертвы.

«Этого», сказал я, «недостаточно – венок не столь хрупок и не столь нежен, как один из тонких забытых годов». Но я взял свой венок в руки и пошел отсюда. И когда я ступил на тайный путь к той романтичной земле, где долина, о которой ходят слухи, сближается с гористой луной, я начал искать среди травы те бедные маленькие годы, которым я принес свое горе и свой венок. И когда я не нашел в траве ничего, я сказал: «Время разрушило и уничтожило их и не оставило даже самого слабого следа». Но глянув вверх в сиянии луны, я внезапно увидел колоссов, сидящих наверху, попирающих звезды и заполняющих ночь чернотой; и у ног этих идолов я увидел молящихся и дающих обеты королей, увидел все дни, которые есть, и все времена, и все города, и все нации, и всех их богов. Дым не тревожил их, огни жертвенников не достигали их колоссальных голов, они сидели там, неизмеримые, недостижимые, неуничтожимые.

Я сказал: «Кто они?» Один ответил: «Единые Бессмертные». И я сказал печально: «Я пришел не для того, чтобы увидеть богов страха, но я пришел, чтобы пролить слезы и возложить цветы у ног нескольких лет, которые мертвы и не могут вернуться снова». Он ответил мне: «Они и есть годы, которые мертвы, Единые Бессмертные; все годы, которые есть – Их дети. Они создали их улыбки и смех; всех земных королей Они короновали, всех богов Они создали; все события стекают с Их ног как реки, миры – это летящие камешки, которые Они уже бросили, и Время, и все его столетия позади него становятся на колени здесь, склоняя главы у

Их могучих ног подобно вассалам». И когда я услышал это, я отвернулся с моим венком, и возвратился в свою землю успокоенный.

Притча

Жил-был когда-то очень серьезный Пуританин, который считал, что грешно танцевать. И ради своих принципов он тяжело работал и вел рьяную жизнь. И любили его все те, кто ненавидел танцы; а те, которые любили танцы, уважали его также; они говорили: «Он – чистый, хороший человек и действует в согласии со своим внутренним убеждением».

Он сделал много, чтобы воспрепятствовать танцам, и помогал запрещать многие воскресные развлечения. Некоторые виды поэзии, как он говорил, ему нравились, но не особенно причудливые, поскольку иначе поэзия могла развратить мысли самых юных. Он всегда одевался в черное.

Он весьма интересовался моралью и был весьма искренен; и так росло на Земле уважение к его честному лицу и к его ровной белой бороде.

Однажды ночью Дьявол явился к нему во сне и сказал:

«Привет».

«Изыди», сказал этот серьезный человек.

«Нет, нет, друг», сказал Дьявол.

«Не смей называть меня другом», он ответил смело.

«Ну-ну, друг», сказал Дьявол. «Вы ли не разделяли танцующие пары? Вы ли не сдерживали их смех и их проклятую радость? Вы ли не носили мою черную ливрею? О друг, друг, Вы не знаете, что за отвратительная вещь – сидеть в аду и слышать счастливых людей, поющих в театрах, поющих в полях и шепчущихся после танцев под луной», и он склонился с жутким проклятием.

«Это ты», сказал Пуританин, «и помещаешь в их сердца злое желание танцевать; и черная ливрея – собственность Бога, а вовсе не твоя». А Дьявол рассмеялся высокомерно и заговорил.

«Он только и создал, что глупые цвета», сказал он, «и бесполезные рассветы на склонах холмов, обращенных на юг, и бабочек, порхающих по ним, как только восходит солнце, и дурацких дев, приходящих потанцевать, и теплый безумный Западный ветер, и худшее из всего – пагубную Любовь».

И когда Дьявол сказал, что Бог создал любовь, наш серьезный человек вскочил в кровати и закричал: «Богохульство! Богохульство!»

«Это правда,» сказал Дьявол. «Это не я посылаю деревенских дураков обниматься и шептаться с глазу на глаз в лесу, когда луна стоит высоко. Я даже не могу выносить самого вида их танцев».

«Тогда,» сказал человек, «я принял правое за неправое; но как только я проснусь, я буду снова бороться с тобой».

«О, нет, не будешь», сказал Дьявол. «Ты не пробудишься от этого сна». И где-то далеко черные стальные двери Ада открылись, и рука об руку эти двое шагнули внутрь, и двери закрылись за ними. А они все шли вместе, плелись дальше и дальше в адские бездны, и было наказание Пуританина таково: знать, что он заботился на Земле об одном только зле, каковое и причинял людям.

Весна в городе

На углу улицы сидела и играла с ветром печальная Зима.

Еще покалывал холод пальцы прохожих, и еще их дыхание было видимо, и еще прятали они свои подбородки в воротники пальто, когда налетал порыв ветра, еще освещенные окна посылали на улицу мысль о романтическом комфорте вечерних огней; все это еще было, но все же трон Зимы шатался, и каждый бриз приносил вести о новых крепостях, потерянных на озерах или арктических склонах. И не как король Зима появляется теперь на улицах. Когда город был разукрашен блеском белого, чтобы приветствовать Зиму как завоевателя, она въезжала с блестящими сосульками и с надменной свитой ветров. А теперь она сидит с небольшим ветром на углу улицы подобно какому-нибудь старому слепому нищему с голодной собакой. И как к старому нищему подходит Смерть, и настороженные уши слепого пророчески слышат ее отдаленную поступь, так проник внезапно в уши зимы Звук из соседнего сада, звук приближающейся Весны, когда она шагала по клумбам, засаженным маргаритками. И Весна, приблизившись, посмотрела на загнанную бесславную Зиму.

«Началось», сказала Весна.

«Тебе нечего делать здесь», ответила Зима. Однако она натянула свой серый разодранный плащ, поднялась и позвала свой маленький жестокий ветер. Потом она вошла в переулок, который вел на север, и зашагала дальше и дальше.

Клочки бумаги и высокие облака пыли летели с ней вплоть до внешних ворот города. Там она обернулась и сказала Весне: «Ты не сможешь ничего сделать в этом городе»; потом она пошла домой по суше и морю и слышала вой своих старых ветров за спиной. Лед разбивался позади нее и проваливался вниз подобно флотам. Слева и справа от нее летели стаи морских птиц, а далеко впереди торжествующие крики гусей раздавались подобно звукам горна. Все выше и выше она становилась, пока шагала на север, и все более величественным становилось выражение ее лица. Сначала она миновала усадьбы за один шаг, а потом и округа. Вскоре зима пришла снова в белоснежные замороженные страны, где волки вышли встретить ее, и, укрывая себя снова старыми серыми облаками, шагнула в ворота своего нерушимого дома. Эти два старых ледяных барьера качались на ледяных столбах, которых никогда не касался солнечный луч.

Так что город достался Весне. И она осматривала его, решая, что сможет с ним сделать. Тут она увидела удрученного чем-то

пса, бродившего по дороге; она спела ему, и пес радостно подпрыгнул. Я увидел его на следующий день играющим с чем-то в воздухе. Рядом были деревья, она подошла к ним и зашептала. И они запели древесную песню, которую только деревья могут слышать, и зеленые почки появились как звезды в сумерках, тайно, одна за другой. Она пошла в сады и пробудила от сна теплую мать-землю.

На небольших участках, голых и пустынных, она вызвала подобно пламени золотой шафран или его фиолетового брата, подобного призраку императора. Она украсила уродливые задние части неопрятных зданий – где-то сорняками, где-то молодой травой.

Она сказала воздуху: «Будь радостен» Дети узнали, что маргаритки появились в нечасто посещаемых углах. Петлицы стали появляться в пальто молодых людей.

Дело Весны было сделано.

Возвращение песни

«Лебеди поют снова», сказал друг другу боги. И глядя вниз, ибо мои мечты унесли меня с какой-то ярмарки в далекую Вальгаллу, я увидел под собой, переливающийся шар немногим больше звезды, сияющий красиво, но слабо; и ввысь и ввысь от него, становясь все больше и больше, взлетали стаи белых, неисчислимых лебедей, поющих, поющих и поющих, пока не стало казаться, что сами боги стали дикими кораблями, плывущими в океане музыки.

«Что это?» спросил я того бога, который казался самым скромным.

«Всего лишь миру пришел конец», он сказал мне, «и лебеди возвращаются к богам, отдавая дар песни».

«Весь мир мертв!» вскрикнул я.

«Мертв», сказал тот, что был самым скромным из богов. «Миры не вечны; только песня бессмертна».

«Смотри! Смотри!» Он сказал. «Скоро появится новый». И я посмотрел и увидел жаворонков, спускающихся вниз с престола богов.

Как враг пришел в Тлунрану

Давным-давно было предсказано, что враги войдут в Тлунрану. И дата гибели была известна и ворота, через которые она придет, но никто не предсказывал, кем был враг, знали только, что он принадлежал к числу богов, хотя и жил среди людей. Тем временем Тлунрана, этот тайный лама-серай, эта опора колдовства, была ужасом долины, в которой стоял город, и для всех стран вокруг Тлунраны. Столь узки и высоки были окна и столь странно они светились ночью, будто смотрели на людей хитрым оценивающим взглядом демонического нечто, таившегося в темноте. Кто были маги и предводитель магов, и великий архи-волшебник этого скрытого места, никто не знал, поскольку они прибыли в вуалях и широких черных плащах, полностью скрывавших лица и фигуры.

Хотя гибель была близка и враг из пророчества должен был явиться той самой ночью через открытые на юг двери, названные Вратами Гибели, скалистые отроги и здания Тлунраны еще оставались таинственно тихими, ужасными, темными и увенчанными пугающей судьбой. Нечасто кто-либо смел блуждать поблизости от Тлунраны ночью, когда крики магов, призывавших Неизвестного, слабо возносились над внутренними покоями, пугая парящих в воздухе летучих мышей. Но в последнюю ночь из крытого черной соломой дома у пяти сосен вышел человек, чтобы увидеть Тлунрану еще раз, до того как враг, который принадлежал к числу богов, хотя и жил среди людей, выступит против города и Тлунраны не будет больше.

Он шел по темной долине как отъявленный смельчак, но страхи давили на него; его храбрость выдерживала их вес, но склонялась все ниже и ниже. Он вошел в южные ворота, что носили имя Врат Гибели. Он вошел в темный зал и поднялся по мраморной лестнице, чтобы увидеть последние мгновения Тлунраны. На вершине лестницы висел занавес черного бархата, и человек прошел в палату, увешанную тяжелыми занавесами, в комнаты, где царил мрак чернее всего, что мы можем себе представить.

В палате по ту сторону занавеса, видимые сквозь свободный сводчатый проход, маги с зажженными тонкими свечами творили свое колдовство и шептали заклятия. Все крысы сбежали из этого места, с визгом устремившись вниз по лестнице. Человек из крытого черной соломой дома прошел через эту вторую палату: маги не смотрели на него и не прекращали шептать. Он миновал их, раздвинул тяжелый занавес того же черного бархата и вошел в

палату черного мрамора, где ничто не шевелилось. Только одна тонкая свеча горела в третьей палате; здесь не было окон. На гладком полу, под гладкой стеной стоял шелковый павильон, завесы которого были накрепко притянуты друг к другу. Здесь было святое святых этого зловещего места, его внутренняя тайна. Со всех сторон палаты сидели темные фигуры, мужчины, женщины, укрытые плащами камни, или животные, обученные хранить тишину. Когда ужасная неподвижность тайны стала невыносимой, человек из крытого черной соломой дома под пятью соснами подошел к шелковому павильону и смелым и нервозным нажатием руки отодвинул одну из занавесей в сторону. И он увидел внутреннюю тайну и засмеялся. И пророчество было исполнено, и Тлунрана больше не была никогда ужасом долины, а маги оставили свои потрясающие залы и бежали через поля. Они кричали и били себя в грудь, поскольку смех был врагом, который должен был явиться в Тлунрану через ее южные ворота (названные Вратами Гибели), и он – тот, кто принадлежал к числу богов, хотя и жил среди людей.

Подъем Пикадилли

Спускаясь по Пикадилли, неподалеку от Гросвенор-Плэйс, я как-то раз увидел, если моя память не изменяет мне, рабочих без пальто – или мне так показалось. Они держали кирки в руках и носили вельветовые брюки и такие небольшие кожаные полосы ниже колен, которые известны под удивительным названием «Йорк-Лондон».

Они, казалось, работали с особой страстностью, так что я остановился и спросил, что они делают.

«Мы поднимаем Пикадилли», сказал мне один.

«Но в это время года?» сказал я. «Это обычно в июне?»

«Мы не то, чем мы кажемся», сказал он.

«О, я понимаю», произнес я, «Вы делаете это ради шутки».

«Ну, не совсем так», он ответил мне. «Не вполне».

И затем я посмотрел на ту часть грунта, которую они уже выбрали. И хотя яркий дневной свет был у меня над головой, там внизу была тьма, полная южными звездами.

«Было шумно и плохо, и мы устали от этого», сказал тот, кто носил вельветовые брюки. «Мы – не то, чем мы кажемся». Они поднимали Пикадилли целиком.

Проигрышная игра

Однажды в таверне Человек встретился лицом к черепу со Смертью. Человек вошел весело, но Смерть никак не приветствовала его, она сидела, зловеще склонившись над кувшином вина.

«Ну-ну», сказал Человек, «мы были врагами долго, и если бы я проиграл тебе, то все же не был бы так неприветлив». Но Смерть осталась недружелюбной, не отводя глазниц от вина и не говоря ни слова в ответ.

Тогда Человек заботливо придвинулся ближе и, сохраняя еще радушный тон, продолжил: «Ну же, ты не должна обижаться на поражение». И все же Смерть была мрачна и уныла; она потягивала свое неведомое вино, не смотрела на Человека и желала с ним говорить.

Но Человек ненавидел уныние и в животном и в боге, и лицезрение падения его врага сделало человека несчастным, тем более, что он сам был тому причиной. И человек попытался остаться приветливым.

«Разве не ты убила Динатерия?» сказал он. «Не ты устранила Луну? Что ж! Ты еще победишь меня». Раздался сухой и лающий звук – Смерть заплакала и ничего не сказала; и тогда Человек встал и удалился, не переставая удивляться; ведь он не знал, что Смерть плакала из жалости к противнику. Может быть, она знала, что теперь не будет такого развлечения – ибо старая игра была закончена, и Человек ушел. А может быть, дело совсем в другом – по некой скрытой причине она так никогда и не сумела повторить на Земле свой лунный триумф.

После пожара

Когда это случилось – неведомое число лет спустя, и мир поразила черная, не отмеченная на карте звезда, некие огромные существа из другого мира явились на пепелище, чтобы взглянуть, не осталось ли там чего-нибудь, что стоило бы запомнить. Они говорили о больших вещах, которые были известны миру; они упомянули мамонта. И затем они увидели храмы человека, тихие и лишенные окон, взиравшие вокруг подобно пустым черепам.

«Здесь было нечто большое», сказал один, «в этих огромных местах. Это был мамонт». «Нечто большее, чем он», сказал другой.

И затем они обнаружили, что величайшей вещью в мире были мечты человека.

Город

Во времени, как и в пространстве, мое воображение бродит далеко отсюда. Оно отвело меня однажды на край каких-то утесов, низких, красных, вставáвших над пустыней: неподалеку от пустыни находился город. Был вечер, и я сидел и наблюдал за городом.

Теперь я видел людей, которые появлялись по трое, по четверо, прокрадываясь из ворот того города – числом около двадцати. Я слышал гул мужских голосов в вечернем воздухе.

«Хорошо, что они ушли», говорили они. «Хорошо, что они ушли. Мы можем теперь заняться делом. Хорошо, что они ушли». И люди, которые оставляли город, уходили все дальше по песку и скрывались в сумерках.

«Кто эти люди?» спросил я своего сияющего предводителя.

«Поэты», ответило мое воображение. «Поэты и художники».

«Почему они ускользают?» спросил я его. «И почему люди так довольны, что они ушли?» Воображение ответило: «Должно быть, гибель грозит этому городу, но что-то предупреждает их, и они спасаются. Ничто не может предупредить людей». Я слышал, как разносятся над городом пререкания голосов, обсуждающих торговые дела. И затем я также ушел, ибо лик неба зловеще исказился.

И только тысячу лет спустя я проходил тем же путем, и там не было ничего, даже среди сорняков, что напоминало бы о стоявшем на краю пустыни городе.

Пища смерти

Смерть была больна. Но они принесли ей хлеб, который делают современные пекари, белый, с квасцами, и консервированное мясо из Чикаго, со щепоткой нашего современного заменителя соли.

Они отнесли ее в гостиную большого отеля (в этой душной атмосфере смерть дышала более свободно), и там они дали ей свой дешевый Индийский чай. Они принесли ей бутылку вина, которое сами называли шампанским. Смерть выпила это. Они принесли газету и отыскали доступные лекарства; они дали ей пищевые продукты, рекомендованные для инвалидов, и немного микстуры, как предписано рецептом.

Они дали ей немного молока и боракс, этот наркотик английских детей.

Смерть встала окрыленной, сильной, и снова зашагала по городам и весям.

Одинокий идол

Мне достался от друга старый диковинный камень, слегка свиноподобный идол, которому никто не молился.

И когда я увидел его меланхоличное положение, увидел, как он сидел, скрестив ноги и внимая мольбам, держа небольшой бич, сломавшийся много лет назад (и никто не исправил бич, и никто не молился, и никто не шел с визжащей жертвой; а он был богом), тогда я сжалился над небольшой забытой вещью и молился ей так, как, возможно, молились давно, перед прибытием странных темных судов. И я склонился и сказал:

«О идол, идол из твердого бледного камня, неподвластного годам, О держатель бича, склони свой слух к моей мольбе.

О маленький бледно-зеленый образ, пришедший издалека, знай, что в Европе и в других окрестных странах слишком скоро уходят от нас сладость и песни и львиная сила юности: слишком скоро ее румянец исчезает, ее волосы становятся седыми, и наши любимые умирают; слишком хрупка красота, слишком далека слава, и годы летят слишком скоро; появляются листья и падают, все рушится; теперь осень царит среди людей, осень и жатва; здесь несчастья, борьба, смерть и плач, и все прекрасное не остается с нами, а исчезает, как сияние утра над водой.

Даже наши воспоминания тают со звуками древних голосов, сладостных древних голосов, которые больше не касаются нашего слуха; самые сады нашего детства исчезают, и тускнеет с годами даже наше духовное око.

О, нет больше друга Времени, ибо тихо мчатся его жестокие ноги, топча все самое лучшее и волшебное; я почти слышу рычание лет, бегущих за ним как собаки, и им потребуется совсем немного, чтобы разорвать нас.

Все, что красиво, оно сокрушает, как большой человек топчет маргаритки, все лучшее и совершеннейшее. Как чудесны маленькие дети людей. Это – осень всего мира, и звезды плачут, созерцая ее.

Поэтому не будь больше другом Времени, которое не дает нам существовать, и не будь добр к нему, но сжалься над нами, и позволь прекрасным вещам жить ради наших слез». Таким образом молил я из сострадания в один ветреный день свиноподобного идола, перед которым никто не преклонял колен.

Сфинкс в Фивах

Жила некогда женщина в построенном из стали городе, которая имела все, что могла купить за деньги, она имела золото и дивиденды и поезда и здания, и она имела домашних животных, чтобы играть с ними, но у нее не было сфинкса.

Так что она потребовала принести ей живого сфинкса; и поэтому люди направились в зверинцы, и затем в леса и пустыни, и все же не могли отыскать сфинкса.

И она удовольствовалась бы небольшим львом, но один уже принадлежал женщине, которую она знала; так что они должны были искать сфинкса по всему миру.

И долго не находилось ни одного.

Но это были не те люди, которых легко остановить, и, наконец они нашли сфинкса в пустыне вечером, когда сфинкс наблюдал за разрушенным храмом, богов которого пожрал сотни лет назад, одержимый голодом. И они набросили на сфинкса, все еще хранившего зловещую неподвижность, цепи и взяли его с собой на запад и принесли сфинкса домой.

И так сфинкс прибыл в построенный из стали город.

И женщина была довольна, что заполучила сфинкса: но сфинкс в один прекрасный день посмотрел в ее глаза и мягко загадал женщине загадку.

И женщина не смогла ответить, и она умерла.

И сфинкс молчит снова и никто не знает, что он будет делать дальше.

Воздаяние

Дух уходит во сне куда дальше, чем при свете дня.

И покинув однажды ночью переполненный фабриками город, я прибыл на край Ада.

Это место было загрязнено пеплом, отбросами и зазубренными, полупогребенными предметами с бесформенными гранями, и там был огромный ангел с молотом, возводящий нечто из штукатурки и стали. Я удивился, что он делает в таком ужасном месте. Я заколебался, а затем спросил, что он строит. «Мы расширяем ад», сказал он, «чтобы поддерживать темп нового времени».

«Не будьте слишком строги с ними», сказал я, поскольку только что прибыл из компромиссного века и слабеющей страны. Ангел не ответил.

«Это будет не так, плохо как старый ад, не правда ли?» «Хуже», сказал ангел.

«Как Вы можете примирить со своей совестью, ваша милость», спросил я, «такое наказание?» (Так говорили в городе, откуда я прибыл, и я не мог избавиться от этой привычки).

«Они изобрели новые дешевые дрожжи», сказал ангел.

Я посмотрел на лозунг на стенах ада, который ангел строил; в пламени были написаны слова, и каждые пятнадцать секунд они меняли цвет, «Yeasto, могучие новые дрожжи, они укрепляют тело и мозг, и даже больше».

«Они должны смотреть на это вечно», ангел сказал.

«Но они совершили абсолютно законную сделку», сказал я, «закон разрешает подобное». Ангел продолжал вбивать на место огромные стальные балки.

«Вы очень мстительны. Вы никогда не отдыхаете от этой ужасной работы?»

«Я отдыхал однажды на Рождество», сказал ангел, «и увидел маленьких детей, умирающих от рака. Я буду продолжать теперь, пока огни еще горят».

«Очень трудно доказать», заметил я, «что дрожжи столь плохи, как Вы полагаете».

«В конце концов», сказал я, «они должны как-то жить». Но ангел ничего не ответил и продолжал строить свой ад.

Неприятность на Зеленой улице

Она вошла в магазин идолов на Молесхилл-стрит, где бормотал старик, и сказала: «Я хочу бога, которому можно поклоняться в дождливую погоду».

Старик напомнил ей о тяжелых карах, которые справедливо налагаются за идолопоклонство и, когда он перечислил все, она ответила теми же словами: «Дайте мне бога, которому можно поклоняться в дождливую погоду». И он скрылся в заднем помещении и разыскал и принес ей бога. Тот был вырезан из серого камня, выглядел добродушно и именовался, как можно было разобрать из бормотания старика, Богом Дождливой Веселости.

Может быть, долгое заключение в доме воздействует неблагоприятно на печень, или оно сходным образом касается души, но, определенно, в дождливый день ее настроение ухудшилось до того, что некие веселые существа вылезли наружу из Преисподней, и, пытаясь закурить сигарету не с того конца, она вспомнила о Молесхилл-стрит и бормочущем человеке.

Он поднес серого идола поближе и забормотал обещания, хотя и не оставил их на бумаге, и она тотчас же заплатила ему требуемую непомерную цену и забрала идола.

И в следующий дождливый день, который вскоре настал, она молилась серому каменному идолу, которого купила, Богу Дождливой Веселости (кто знает, с какими церемониями или с отсутствием оных?). И пала на нее на Лиственной Зеленой Улице, в нелепом доме на углу, та гибель, о которой теперь все говорят.

Туман

Туман сказал туману: «Давай поднимемся в Даунз». И туман пошел, плача.

И туман пошел на возвышенности и в ложбины.

И кущи деревьев вдали стояли в тумане, как призраки.

А я пошел к пророку, тому, который любил Даунз, и сказал ему: «Почему туман идет в Даунз, плача, когда направляется на возвышенности и в ложбины?» И пророк ответил: «Туман – сборище множества душ, которые никогда не видели Даунз и теперь мертвы.

Поэтому они пойдут в Даунз, плача, те, которые мертвы и никогда не видели этих холмов».

Делатель борозды

Он был в черном, а его друг был в коричневом, члены двух старых семейств.

«Есть ли какие-нибудь перемены в том, как Вы строите ваши дома?» сказал тот, что был в черном.

«Никаких перемен», произнес другой. «А Вы?»

«Мы ничего не меняем», ответил первый.

Невдалеке проехал человек на велосипеде.

«Он всегда меняется», сказал тот, что в черном, «в последнее время почти каждое столетие. Ему нелегко. Всегда перемены».

«Он меняет метод, которым строит свой дом, разве не так?» сказал коричневый.

«Так говорит мое семейство», сказал другой. «Они говорят, что он изменился в последнее время».

«Они говорят, что он пристрастился к городам?» спросил коричневый.

«Мой кузен, который живет на колокольне, говорит так», заметил черный. «Говорит, он почти все время проводит в городах».

«И там он худеет?» сказал коричневый.

«Да, он худеет».

«Это правда?»

«Каркай», откликнулся черный.

«Правда, что он не протянет много столетий?»

«Нет, нет,» сказал черный. «Делатель борозды не умрет. Мы не должны потерять делателя борозды. Он сделал немало глупостей, он слишком много играл с дымом и он болен. Его двигатели утомили его, и его города злы. Да, он очень болен. Но через несколько столетий он забудет свое безумие, и мы не потеряем делателя борозды. Время излечит его, он снова будет копать и мое семейство получит свою пищу из сырой земли позади него. Он не умрет».

«Но они говорят, не правда ли», сказал коричневый, «что его города вредны, и что он там становится больным и не может бегать больше, и что с ним происходит то же, что и с нами, когда мы растем слишком сильно, и трава становится горькой на вкус в дождливую погоду, и наш молодняк болеет и умирает».

«Кто говорит это?» отозвался черный.

«Голубь», ответил коричневый. «Он возвратился весь грязный. И Заяц однажды бывал на краю городов.

Он говорит то же самое. Человек слишком болен, чтобы преследовать его. Он думает, что Человек умрет, и его злой друг

Собака с ним. Собака, она умрет. Эта противная Собака. Она умрет также, грязный товарищ!»

«Голубь и Заяц!» сказал черный. «Мы не потеряем делателя борозды».

«Кто сказал тебе, что он не умрет?» спросил его коричневый друг.

«Кто сказал мне! Мое семейство и его семейство поняли друг друга в незапамятные времена. Мы знаем, что безумия уничтожат друг друга и что каждый может выжить в эту пору, и я говорю, что делатель борозды не умрет».

«Он умрет».

«Каркай».

А Человек сказал в сердце своем: «Только еще одно изобретение. Я только хочу еще кое-что сделать с бензином, а затем я все это брошу и вернусь в леса».

Салат из омара

Я взбирался по опасной внешней стороне Дворца Колквонхомброс. Где-то далеко подо мной, так далеко, что только в спокойных сумерках и ясном воздухе тех стран я и мог их едва различить, виднелись скалистые вершины гор.

Я был не на зубцах стенах и не на краю террасы, а на самой плоской поверхности стены, и мог отыскать точку опоры только там, где валуны соединялись друг с другом.

Если бы я был бос, все кончилось бы мгновенно, но хотя я был в ночной рубашке, на ногах оказались крепкие кожаные ботинки, и их края так или иначе удерживались в узких трещинах. Мои пальцы и запястья болели.

Если б было возможно остановиться на мгновение, я бы соблазнился, чтобы на секунду взглянуть на пугающие пики гор там в сумерках, и это, должно быть, привело бы к фатальным последствиям.

То, что все происходящее было сном – несущественно. Мы падали во сне и прежде, но известно, что если в одном из тех падений ты коснешься земли – ты умрешь: я смотрел на угрожающие вершины и прекрасно знал, что падение, которого я боялся, должно иметь именно такой финал. И я продолжал карабкаться по стене.

Странно, какие различные ощущения могут вызывать различные валуны – все блестят под одним и тем же белым светом и каждый избран, чтобы подходить к остальным, фаворитами древних королей – когда ваша жизнь зависит от граней каждого, которого Вы касаетесь. Эти грани казались странно различными. Было бесполезно преодолевать ужас перед одним, поскольку следующий потребует держаться совершенно иначе или принесет совершенно иную смерть.

Некоторые грани были слишком остры, чтобы держаться за них, а некоторые слишком ровно входили в стену, те, за которые было легче держаться, крошились куда скорее прочих; каждая скала несла свой особый ужас; и кроме того, были враги, которые следовали позади меня.

И наконец я достиг выбоины, давным-давно созданной землетрясением, молнией или войной: мне придется спуститься на тысячу футов, чтобы обойти ее, и они настигнут меня, пока я делаю это, ибо какие-то мохнатые обезьяны, которых я пока еще не упомянул, твари, которые имели тигриные зубы и были рождены и разводились на той стене, преследовали меня весь вечер. В любом случае я не мог уйти дальше, и при этом я не

знал, что сделает король, по чьей стене я поднимался. Пришло время упасть и покончить с этим или остановиться и подождать этих обезьян.

И затем я вспомнил про булавку, отброшенную небрежно с вечернего галстука давным-давно, в другом мире, тем, кто породил эту блестящую стену, и лежащую теперь, если жестокий случай не вмешался, на комоде у моей кровати.

Обезьяны были очень близко, и они спешили, поскольку знали, что мои пальцы скользят; и жестокие пики этих адских гор казались мне безопаснее обезьяньих лап.

Я потянулся с отчаянным усилием туда, где на комоде лежала булавка. Я искал наощупь. И я нашел ее! Я вонзил ее в свою руку. Спасен!

Возвращение изгнанников

Старик с молотком и одноглазый человек с копьем стояли у обочины, беседуя, когда я взошел на холм.

«Все не так, хотя они и не спросили нас», сказал тот, что с молотком.

«Не более двадцати знают об этом», заметил другой.

«Двадцать раз по двадцать», сказал первый.

«После всех этих лет», произнес одноглазый человек с копьем. «После всех этих лет… Мы можем вернуться».

«О, конечно, мы можем», сказал другой.

Их одежда была слишком стара даже для чернорабочих, мужчина с молотком носил кожаный передник, усеянный пятнами и заплатами, а их руки казались покрытыми дубленой кожей. Но независимо от того, кем они были, они были англичанами, и их было приятно увидеть после всех машин, которые окружали меня в тот день и везли в своих салонах представителей разных сомнительных наций.

Когда они увидели меня, тот, что с молотком, коснулся своей засаленной кепки.

«Можем ли мы осмелиться, сэр», сказал он, «спросить путь к Стоунхенджу?»

«Мы никогда не дойдем», пробормотал другой печально.

«Не более двадцати знают, но…» Я сам ехал туда на велосипеде, чтобы взглянуть, так что я указал дорогу и сразу уехал, поскольку было что-то крайне раболепное в них обоих, и я не стремился разделить их компанию. По несчастным выражениям их лиц можно было представить, что их преследовали или презирали много лет, я предположил, что, вероятно, они долго находились на каторжных работах.

Когда я приехал в Стоунхендж, то увидел целую толпу людей, стоявших среди камней. Они спросили меня с некоторой торжественностью, жду ли я кого-то, и когда я сказал «Нет», они не заговаривали со мной больше. Три мили назад я покинул странных стариков, но я недолго пробыл в каменном круге, когда они появились, широко шагая по дороге. Когда их заметили, все люди сняли шляпы и действовали очень странно; я увидел, что они подвели козла к старому камню алтаря. И два старика подошли с их молотом и копьем и начали извиняться печально за смелость, которую они проявили, вернувшись сюда, и все люди стали на колени на траве перед ними. И затем, еще стоя на коленях, они зарезали козла на алтаре, и когда два старика увидели это, они подошли поближе с извинениями и нетерпеливо

принюхались к крови. И сначала это сделало их счастливыми. Но скоро тот, что был с копьем, начал жаловаться. «Так принято у людей», стенал он. «Так принято у людей». И эти двадцать человек начали смотреть тревожно друг на друга, и стенание одноглазого продолжалось тем же слезным голосом, и внезапно они все взглянули на меня. Я не знаю, кем были эти два старика и что они сделали, но есть моменты, когда явственно наступает время уходить, и я оставил их там и тогда. И как только я подбежал к моему велосипеду, то услышал жалобный голос старика с молотком, извиняющегося за то, то позволил себе возвратиться в Стоунхендж.

«Но после всех этих лет», слышал я его крик. «После всех этих лет…» И тот, что с копьем, сказал: «Да, после трех тысяч лет…»

Природа и время

По улицам Ковентри однажды зимней ночью шагал торжествующий дух. Позади него, сутулая, неопрятная, в изодранной одежде и выглядевшая как изгнанница, скуля, плача и стеная, пыталась поддерживать темп дурно используемая душа. Непрерывно она щипала его за рукав и окликала, когда начинала задыхаться. На миг он замедлял шаг, а потом шел дальше столь же решительно.

Это была мучительная ночь, хотя, казалось бы, не было холода, которого она боялась, поскольку была плохо одета; но трамваи, уродливые магазины и яркий свет фабрик заставляли ее непрерывно вздрагивать, пока она хромала мимо, а тротуар ранил ей ноги.

Тот, который шагал впереди, казалось, не заботился ни о чем. Могло быть жарко или холодно, тихо или шумно, под ногами мог быть тротуар или возделанная земля – он просто шагал вперед.

И она подхватила и сжала его локоть. Я слышал, как она говорила своим несчастным голосом, Вы не расслышали бы ее из-за шума движения.

«Ты забыл меня», она жаловалась ему. «Ты оставил меня здесь». Она указала на Ковентри широким взмахом руки и, казалось, имела в виду и другие города. И он грубо сказал ей, чтобы поспешила и что он не оставлял ее.

А она продолжала свои ничтожные жалобы.

«Мои анемоны мертвы на многие мили вокруг», сказала она, «весь мой лес падает и одни только города растут. Мое дитя Человек несчастен, и мои другие дети умирают, и тем не менее города растут, а ты забыл меня!» И затем он сердито обернулся к ней, почти прекратив движение, которое началось с сотворением звезд.

«Когда я забывал тебя?» ответил он. «Или когда оставлял тебя? Я ли не бросил вниз Вавилон ради тебя? И Ниневия не исчезла ли? Где Персеполис, который беспокоил тебя? Где Тарсис и Тир? И ты говоришь, что я тебя забыл!»

При этом она, казалось, испытывала некое наслаждение. Я слышал, что она заговорила еще раз, взирая задумчиво на своего компаньона.

«Когда вернутся поля и трава для моих детей?»

«Скоро, скоро», сказал он; затем они замолчали. И он зашагал прочь, она хромала позади него, и все часы на башнях били, когда он проходил мимо.

Песня черного дрозда

Как-то, когда поэт проходил мимо терновника, запел черный дрозд.

«Как ты это делаешь?» спросил поэт, поскольку он знал язык птиц.

«Это было…» сказал черный дрозд. «Это действительно было замечательно. Я создал эту песню прошлой весной, она пришла ко мне внезапно. Была самая красивая самка нашей породы, которую мир когда-либо видел. Ее глаза были чернее, чем озера ночью, ее перья были чернее, чем сама ночь, и ничто не могло сравниться желтизной с ее клювом; она могла лететь куда быстрее молнии. Она не была обычной птицей из рода черных дроздов, никогда не было другой, подобной ей. Я не смел находиться рядом с ней, потому что она была так хороша. Однажды прошлой весной, когда стало тепло снова – было холодно, мы ели ягоды, жизнь была весьма трудной тогда, но Весна пришла, и снова стало тепло – в один день я подумал, как она чудесна, и казалось столь невероятным, что я вообще смог увидеть ее, единственную действительно замечательную птицу нашей породы в мире. Тогда я открыл свой клюв, чтобы издать крик, и затем эта песня пришла, и никогда не было ничего подобного ей прежде, и, к счастью, я запомнил ее, ту самую песню, которую я спел сейчас. Но самое необычайное, самое удивительное происшествие того изумительного дня – как только я спел песню, эта дивная птица, самая прелестная в целом мире, прилетела прямо ко мне и села рядом на том же самом дереве. Я не припомню больше таких замечательных времен.

Да, песня пришла в одно мгновение, и как я сказал…» Тут старый странник, шедший мимо с палкой, взмахнул ей, и черный дрозд улетел, а поэт рассказал старику замечательную историю птицы.

«Эта песня нова?» сказал странник.

«Ничего подобного. Бог создал ее годы и годы назад. Все черные дрозды пели ее, когда я был молод. Она была новой тогда».

Посланники

Некто, блуждая у вершины Парнаса и преследуя зайцев, услышал высших муз.

«Передай наше сообщение в Золотой Город». Так пели Музы.

Но мужчина сказал: «Они не послушают меня. С подобными мне не говорят музы». И музы назвали его по имени.

«Прими наше сообщение», они сказали, «Золотому Городу». И человек был огорчен, поскольку преследовал зайцев.

И музы воззвали снова.

И когда наконец, в долинах ли или на высоких склонах холмов он еще раз услышал муз, то пошел наконец к ним и выслушал их сообщение, хотя он с радостью оставил бы его другим людям и преследовал бы стаи зайцев в счастливых долинах.

И они дали ему лавровый венок, вырезанный из изумрудов, какой только музы могут вырезать. «По этому знаку», они сказали, «они должны понять, что ты послан от муз». И человек пошел оттуда и облачился в алые шелка, как подобает каждому, кто общался с высшими музами. И через ворота Золотого Города он вбежал и выкрикнул сообщение, и его плащ развевался у него за спиной. В мертвой тишине сидел мудрецы и старцы Золотого Города; скрестив ноги, они сидели перед своими домами, читая с пергаментов сообщение муз, которое было послано намного раньше.

И молодой человек выкрикнул свое сообщение от муз.

И они поднялись и сказали: «Ты не от муз. Иначе сказали они». И они забросали его камнями и он умер.

А впоследствии они вырезали его сообщение на золоте и читали его в храмах на церковных праздниках.

Когда музы отдохнут? Когда они устанут? Они послали другого посланника в Золотой Город. И они дали ему жезл из слоновой кости, чтобы нести в руке, и все чудесные истории мира с невиданным искусством были вырезаны на том жезле.

И только музы могли вырезать их. «По этому знаку», они сказали, «люди должны узнать, что ты прибыл от муз». И он проник через ворота Золотого Города с сообщением, которое получил для своих людей. И они встали сразу на Золотой улице, они прервали чтение того сообщения, которое вырезали на золоте. «Последний из посланцев», они сказали, «был в лавровом венке, вырезанном из изумрудов, какой только музы могли вырезать. Ты не послан музами». И они побили его камнями в точности так, как они побили камнями его предшественника. И

впоследствии они вырезали его сообщение на золоте и положили его в своих храмах.

Когда музы отдохнут? Когда они устанут? И еще раз они выслали посланника к воротам Золотого Города. Из всего, что он носил, гирлянду из золота высшие музы дали ему, гирлянду мягких и желтых лютиков, выточенную из чистого золота. И все же люди забросали его камнями на площади в Золотом Городе.

Но они получили сообщение, и какое дело Музам?

И все же они не отдыхают, ибо через некоторое время я услышал их зов.

«Иди, отнеси наше сообщение», они сказали, «в Золотой Город». Но я не пошел. И они сказали в другой раз. «Иди, отнеси наше сообщение», кричали они.

И все равно я не пошел, и они выкрикнули третий раз: «Иди, отнеси наше сообщение». Они крикнули в третий раз, но и тогда я не пошел. Но днем и ночью они кричали и долгими вечерами.

Когда музы отдохнут? Когда они устанут? И когда они не прекратили призывать меня, я пошел к ним и сказал: «Золотой Город не Золотой Город больше. Они продали свои колонны за медь и свои храмы за деньги, они сделали монеты из своих золотых дверей. Город стал темным, полным неприятностей, нет счастья на его улицах, красота исчезла с них и старые песни ушли».

«Иди, отнеси наше сообщение», кричали они.

И я сказал высшим музам: «Вы не понимаете. У вас нет никакого послания для Золотого Города, святого города больше нет».

«Иди, отнеси наше сообщение», кричали они.

«В чем состоит ваше сообщение?» спросил я высших муз.

И когда я услышал их сообщение, я начал искать оправдания, боясь говорить такие вещи в Золотом Городе; и снова они предложили мне идти.

И я сказал: «Я не пойду. Никто мне не поверит». И тем не менее музы взывали ко мне всю ночь.

Они не понимают. Как они смогут понять?

Три высоких сына

Вот наконец Человек поднялся на высшую ступень своей славной цивилизации, к высокому зданию совершенного города.

Под ним в глубинах земли мягко урчали его машины, обеспечивающие все потребности человека, не было для него больше тяжелого труда. Теперь он сидел, непринужденно обсуждая Сексуальные Проблемы.

И иногда из давно забытых областей приходила к его входной двери, приходила в самый дальний форпост высшей славы Человека бедная старуха-просительница. И всегда они прогоняли ее прочь. Это славное достижение Человека, этот город был не для нее.

Это приходила Природа, таким образом просившая за поля, от которых Человек всегда отворачивался.

И она опять возвращалась одна в свои поля.

А в один день Природа пришла снова, и снова они послали ее прочь. Но ее три высоких сына тоже явились с ней.

«Они должны войти», сказала она. «Даже эти мои сыновья пришли в ваш город». И три высоких сына вошли.

И это были сыновья Природы, несчастные ужасные дети, Война, Голод и Чума.

И они вошли туда и неожиданно встретились в городе с Человеком, все еще детально изучавшим свои Проблемы, одержимом своей цивилизацией, и не слышавшим их шагов, когда три сына Природы подошли к нему сзади.

Компромисс

Они построили свой великолепный дом, славный город, над логовищем землетрясения. Они построили его из мрамора и золота на сияющей заре мира. Там они пировали, и боролись, и называли город бессмертным, и танцевали, и пели песни богам. Никто не думал о землетрясении на этих радостных улицах. И внизу в глубинах земли, в черных пропастях, те, которые хотели победить Человека, долго шептались в темноте, шептались и подгоняли землетрясение испытать силу этого города, подняться наверх беспечной ночью и подгрызть его опоры подобно костям. И внизу в этих грязных безднах землетрясение ответило им, что не станет доставлять им удовольствие и не сотрет город с лица земли. Ибо кто знает, кто они такие – те, которые танцуют весь день, не боясь его грохота, и что, если правители города, который не боится его гнева, были даже богами!

И столетия проползли, вращая и вращая мир, и однажды те, которые танцевали, те, которые пели в том городе, вспомнили про логово землетрясения в безднах под их ногами, и составляли один за другим планы и стремились предотвратить опасность, успокоить землетрясение и отклонить его гнев.

Они послали вниз поющих девушек, и священников с овсяными зернами и вином, они послали вниз гирлянды и плоды, вниз по темным ступеням к черным глубинам земли они послали павлинов, недавно убитых, и мальчиков с горящими специями, и своих тощих священных белых котов в ошейниках из жемчуга, недавно вырванного у моря, они послали огромные алмазы вниз в сундуках казны, и благовония, и странные восточные краски, и стрелы, и оружие, и перстни своей королевы.

«Ого», сказало землетрясение в холодной толще земли, «так они не боги».

К чему мы пришли

Когда рекламодатель впервые увидел шпили кафедрального собора с некоторого расстояния, он посмотрел на них снизу вверх и заплакал.

«Если бы только,» сказал он, «это была реклама „Beefo“, столь вкусного, столь питательного, попробуйте его в вашем супе, дамам это понравится».

Могила Пана

«Смотрите», сказали они, «этот древний Пан мертв, давайте теперь сделаем для него гробницу и памятник, чтобы ужасное поклонение давних времен можно было запомнить и избегать подобного впредь». Так сказали люди из просвещенных стран. И они построили белую могучую гробницу из мрамора. Медленно она росла под руками строителей и все выше каждый вечер после заката ее золотили лучи уходящего солнца.

И многие оплакивали Пана, пока строители делали свое дело; многие оскорбляли его. Некоторые призывали строителей остановиться и оплакать Пана, а другие требовали от них вовсе не оставлять никакого мемориала такому позорному божеству. Но строители надежно делали свое дело.

И в один день все было кончено, и гробница стояла подобно крутому утесу. И образ Пана был вырезан на ней – с опущенной в унижении головой и с пятами ангелов, попирающих его шею.

И когда памятник был окончен, солнце уже село, но закат розовел на огромном барельефе Пана.

И теперь все просвещенные люди пришли, увидели гробницу и вспомнили Пана, который был мертв, и все порицали его и его злобный век. А некоторые плакали о смерти Пана в отдалении.

Но вечером, когда он прокрался из леса и проскользнул, подобно тени, по холмам, Пан увидел гробницу и рассмеялся.